

үндітану аясындағы маңызды сала болып табылады. Сондықтан үнді дүниетанымына тән алғашқы діни дереккөздерді санскрит тілінен аудару еуропалықтардан бастау алатындығы анық. Батыс ғалымы Ч. Уилкинс «Бхагават-Гитаны», У. Джонс «Ману заңдары» мен «Гитоговинданы» индуизмге тән аппараттық категорияны сақтап, мейлінше аударған еді. XVIII ғ. соңы мен XIX ғ. бірінші жартысында үнді аңыздарына Шлегель, Г. Уилсон, Т. Кольбрук, Х. Лассен сынды ғалымдар индуизм зерттеу барысында оның негізгі тірегі болып табылатын қасиетті жазба деректеріне үлкен көңіл бөлген. XIX ғ. екінші жартысынан бастап санскриттің дамуы үлкен беуен алып, көптеген санскрит тіліндегі діни мәтіндердің аударылуына үлес қосқан ғалымдардан Л. Барнеттің, М. Моньер-Вильямс, А. Барт, Э. Хопкинс, Р.Г. Бхандаркар Дойссен, Г. Якобтың еңбектерін бөле жара айта кеткен жөн.

1. Бонгард-Левин Г.М., Ильин Г.Ф. *Индия в древности*. – М.: Наука, 1985. – 758 с.
2. Альбедиль М.Ф. *Индуизм. Главная религия Индии*. – СПб.: Питер, 2006. – 208 с.
3. Менон М.С. *Индия – микрокосм религии и философии // Индия перспективы*. – 1995. – апрель. – 45 с.
4. Мохандас Карамчанд Ганди. – *Таңдамалы хаттар мен сөздер*. – Алматы, 2006. – 192 б.
5. Сыркин А.Е. *Некоторые проблемы изучения упанишад*. – М.: Наука, 1971. – 290 с.
6. Akshai Anand. *Kaliyan // Gitapress, Gorhpur*. – 2006. – № 6. June. – 34 p.

В статье рассматривается значение и смысл священных гимнов «самхитгов» в индийской философии.

The article discusses the meaning and significance of sacred hymns "samhitas" in Indian philosophy.

Р. С. Гаршин

ГОРИЗОНТЫ СОЗНАНИЯ

Сознание это самая большая загадка – в нем заключается глубокая парадоксальность человеческого существования. О степени универсальности проблемы сознания, равно как и о ее сложности, недвусмысленно заявляют Пятигорский и Мамардашвили: «мы ... не можем (или не хотим, что здесь одно и то же) думать о сознании как о чем-то другом, ином, чем сознание, но можем думать о чем угодно другим как о сознании» [1, с.9]. Тайна сознания интересовала большинство крупнейших философов с древних времен до наших дней. Сегодня, быть может, она является самым главным препятствием в наших стремлениях к естественнонаучному пониманию вселенной. Физика еще не завершена, но она достаточно хорошо понята; биология отбросила большинство архаичных мистери, окружавших природу жизни. В нашем понимании этих областей есть пробелы, но они не кажутся неподдающимся решению. У нас есть ощущение того, как должно выглядеть решение этих проблем; нам нужно только правильно ухватить детали.

Даже в науке о разуме был достигнут большой прогресс. Современные работы по когнитологии и нейронауке ведут нас к лучшему пониманию человеческого поведения и процессов которые его направляют. Успехи функционального и бихевиористского направлений в

изучении разума хорошо известны, они создают видимость объективированности сознания и его познания, но, все же, они не могут претендовать на исчерпывающее решение проблемы, ибо, как предупреждал ещё Кант, «недостаточно описывать образ действия нашего разума и его диалектику — надо пытаться еще обнаружить ее источники, чтобы иметь возможность объяснить самое эту видимость как феномен рассудка, так как идеал, о котором мы говорим, основывается на естественной, а не на произвольной только идее» [2, с.508].

У нас не так много детализированных теорий познания, хотя детали должны обнаруживаться вблизи правильной философской позиции. Однако сознание приводит в замешательство так же, как и всегда до этого. Самые основательные логико-философские исследования Роджера Пенроуза [3] заставляют считать сознание принципиально невычислимым, а понимание математика не заменимым никаким быстроедействием электронно-вычислительных машин, в силу хотя бы того факта, что существуют виды вычислений, не могущие быть законченными. То же самое имеет в виду и Мамардашвили, говоря, что «когда математик рисует спираль и говорит «и так далее», то он уже видит спираль. В пространстве его видения уже существующее понимание позволяет ему

остановить акт, хотя в самом акте понимания содержится внутренняя бесконечность» [4, с.244]. А то, что проблема понимания составляет одно целое с проблемой сознания, видно из следующих слов того же Пенроуза: «передать "смысл" слов от человека к человеку... возможно... не с помощью объяснений различной степени адекватности, а лишь благодаря тому, что собеседник уже, как правило, имеет в сознании некий общий образ возможного смысла этих слов (т. е. "осознает" их), так что даже очень неадекватных объяснений обычно бывает вполне достаточно для того, чтобы человек смог "уловить" верный смысл. Именно наличие такого общего "осознания" делает возможным общение между людьми» [3, с.96]. То есть, сознание теснейшим образом связано с проблемой понимания, имеющей очень важное значение для философской герменевтики и для теории коммуникации, и без ее адекватной постановки невозможно претендовать на полное знание в этих сферах.

Кроме того, все еще представляются чрезвычайно таинственными некоторые дериваты широко известной «психофизической проблемы», а именно то, что каузация поведения должна сопровождаться субъективной внутренней жизнью. У нас есть серьезные основания верить, что сознание возникает из физических систем, таких как мозг, но у нас весьма смутное понятие о том, как оно возникает и почему оно вообще существует. Как могут физические системы типа мозгов быть также и опытом? Почему там должно быть нечто ему подобное, чтобы они были такими системами? Физикалистские и бихевиористские концепции не в состоянии сделать целостное сознание своим объектом и изучить его, и эта невозможность выглядит принципиальной, поскольку «как бы нечто сопровождает сознание, и в нем будет знание, а в другом месте не будет... мы не можем со-знание, то есть эту частицу «со-» превратить в объект... ибо мы не видим сознания. Мы видим содержание сознания, но никогда не видим сознание» [4, с.260-261]. Все научные теории, имеющиеся в настоящее время, вряд ли затрагивают реальные трудные вопросы сознания. У нас наблюдается не просто недостаток детально разработанных теорий, мы находимся в полном неведении относительно того, как сознание встраивается в естественный порядок вещей.

О проблемах сознания в последнее время опубликовано множество литературы, и кто-то может подумать, что прогресс налицо; однако при более пристальном взгляде, большинство этих работ оставляют трудные проблемы сознания нетронутыми. Они в основном имеют

дело с тем, что можно назвать «легкими» проблемами сознания: как мозг запускает процесс возбуждения окружающей его среды? Как он интегрирует информацию? Каким образом мы производим отчеты о внутреннем состоянии? Это тоже важно, но ответить на эти вопросы еще не значит решить трудную проблему: почему все эти процессы сопровождаются опытом внутренней жизни? Иногда этот вопрос полностью игнорируется; иногда откладывается до лучших времен, иногда он просто объявляется решенным. Но в каждом случае остается ощущение того, что центральная проблема остается такой же озадачивающей как прежде.

Эта озадаченность не должна вызывать отчаяние, скорее, она делает проблему сознания одним из самых захватывающих интеллектуальных вызовов нашего времени. В силу фундаментальности сознания, равно как и его мало изученности, решение проблемы могло бы глубоко воздействовать на нашу концепцию вселенной и самих себя.

Мы испытываем определенный оптимизм по поводу возможности теоретического осмысления феномена сознания, и в дальнейшем изложении мы выдвигаем ряд совершенно, на наш взгляд, неперемных его условий. Однако если мы желаем добиться прогресса в этом осмыслении, то мы должны прежде всего не игнорировать те вещи, которые делают проблему такой трудной. Затем нам необходимо продвигаться вперед по направлению к новой теории сознания, без шор на глазах и с хорошим пониманием сути нашей задачи.

Проблема сознания не может быть решена раз навсегда, но она должна быть взята под контроль адекватными методологическими средствами. Мы подвергаем сомнению достаточность для этой цели стандартных методов нейропсихологии и когнитивной науки, и признаем необходимость дальнейшего философского осмысления, которое дало бы нам возможность продвинуться дальше по направлению к нередуктивной теории сознания. Развивая такое объяснение сознания, на наш взгляд, необходимо придерживаться некоторых условий. Первое и самое важное это относиться к сознанию серьезно. Потому как самый легкий способ создать теорию сознания заключается в отрицании его существования, в переопределении самого феномена в целях объяснения как того что им не является. Это обычно приводит к красивой теории, но проблема не исчезает. В этой работе мы исходим из предположения, что сознание существует и что сведение проблемы к объяснению того, каким образом осуществляются определенные когнитивные и поведенческие функции неприемлемо. Это мы подразуме-

меваем под серьезным отношением к сознанию.

Некоторые могут сказать, что сознание это «иллюзия», но представляют ли они в точности, что это могло бы означать? Во всяком случае, Сёрл [5] убедительно показал, что в основании такой позиции лежит путаница между эпистемическим и онтологическим понятиями субъективности. Нам представляется, что мы можем намного достовернее воспринимать существование сознательного опыта, чем что-либо еще в мире. Можно попытаться убедить себя, что сознательный опыт есть некая нереальная пустая иллюзия, и есть много соблазнительного в таком мнении, которое философы принимали и разрабатывали во все эпохи, однако, в конце концов, они оказывались чрезвычайно неудовлетворительными. Во всяком случае у нас остается острое ощущение того, что нечто еще нуждается в объяснении даже после того как объяснены процессы различения и действия: здесь есть еще некоторый внутренний опыт.

Конечно, нельзя доказать, что есть дальнейшая проблема, в частности потому, что невозможно доказать существование сознания. Однако, повторимся, мы знаем о сознании более непосредственно, чем о чем-либо другом, поэтому понятие «доказательство» неприменимо. Самое большее тут можно приводить аргументы там, где это возможно, имея дело с аргументами в пользу противоположного, и мы не станем отрицать, что это иногда предполагает апеллирование к интуициям, но все аргументы предполагают интуицию, и нужно стараться максимально прояснить интуицию, вовлеченную в такие аргументы.

В дальнейшей работе над проблемой сознания можно предвидеть методологическое разделение в исследованиях сознания. Если придерживаться мнения, что ответ на «легкие» вопросы объясняет все, что нужно объяснить, тогда мы имеем один тип теории, если принять, что есть дальнейшие более сложные проблемы, тогда мы имеем другой тип. В результате такого разделения становится трудно вести дискуссию помимо него, и она часто сводится к жонглированию аргументами. Нам представляется очевидным, что проблема сознания нуждается в дальнейшем исследовании и объяснении, другим авторам кажется приемлемой противоположная позиция. Во всяком случае, численное превосходство сторонников этой последней не может служить решающим основанием ее преимущества. Самые трудные вопросы сознания адресованы и представляет интеллектуальный интерес для тех, кто остро чувствует проблему сознания как предельное основание всей сознательной жизни. Ибо в настоящий момент у нас есть достаточно точные представ-

ления о том, какого типа теорию мы получим, если допустим, что проблемы сознания, как таковой, не существует. Нам же представляется необходимым узнать, что последует из признания данной проблемы, к каким возможным позициям может привести нас антиредукционизм в отношении сознания.

Еще одно условие, которого нужно придерживаться, это относиться всерьез к естествознанию. Нам представляется бессмысленным оспаривать актуальные естественнонаучные теории в тех сферах, в которых они пользуются авторитетом. Однако, в то же время не стоит идти на уступки в тех сферах, где мнение ученых-специалистов так же мало обосновано, как и любое другое. Например, мы не обсуждаем, что физический мир каузально замкнут, или что поведение можно объяснить в физических терминах; но если физик или когнитивист полагает, что сознание может быть раскрыто в физических терминах, то это просто надежда, не подкрепленная существующими теориями, и вопрос о сознании остается открытым. Таким образом, необходимо стараться сохранить совместимость идей о сознании с современным естествознанием, однако не ограничивать их тем, что современная наука находит привлекательным.

Третья предпосылка нового отношения к сознанию это то, что оно представляет собой некий натуральный, или натуроподобный феномен, подчиняющийся собственным законам и сам задающий законы сознательной жизни. Если это так, то тогда должна быть некая корректная с естественнонаучной точки зрения и в то же время гуманитарная по своему содержанию теория сознания, независимо от того, как скоро мы сможем достичь такой теории. То, что сознание есть природоподобный феномен, вызывает мало сомнений: однако оно есть экстраординарно «молчаливая» часть природы, возникающая в человеческих видах и, весьма вероятно, во многих других. Есть много причин считать, что природные феномены подпадают под фундаментальные законы; было бы странно, если бы сознание не подпадало. Это не означает сказать, что природные законы, касающиеся сознания, будут такими же как законы в иных областях науки или даже что они будут законами наподобие физических. Они могут быть совершенно иного рода.

Проблема сознания лежит на трудноопределяемой границе между наукой и философией. Можно сказать, что она имеет естественнонаучное предметное содержание, но она не поддается в должной мере исследованию обычными естественнонаучными методами. Обыденная естественнонаучная методология не может вполне ее ухватить, в том числе, и по причине

трудностей наблюдения сознания: за пределами первого лица данные о нем труднодоступны. Это не означает сказать, что никакие внешние данные не могут оказаться релевантными, но то, что сначала мы должны прийти к когерентному философскому пониманию, прежде чем мы сможем удостовериться в релевантности информации. Таким образом, проблема сознания может быть научной проблемой, требующей философского способа понимания для того, чтобы быть поставленной как таковая.

Полагая методологический плюрализм неотъемлемым атрибутом постнеклассической научной рациональности, мы не спорим, что возможны редуktивные объяснения сознания, однако они являются лишь частью процесса научного познания и не могут считаться достаточными: когда определенный вид объяснений перестает работать, тогда мы нуждаемся в других видах объяснений. Всё, что высказывается о сознании, должно быть совместимо с данными современного естествознания; нам представляется антинаучным пренебрегать проблемами сознания, принять их вызов – в духе науки. Тем же, кто полагает, что наука требует материалистического подхода, напомним, что наука XX века не раз приходила к результатам, не могущим быть истолкованными материалистически, и если материализм не может предложить адекватной картины явления (как и в случае с сознанием), то нужно идти дальше того, чем ограничиваются его эвристические ресурсы. Автор сам был склонен к редуktивному материалистическому объяснению, во всяком случае, у него нет сильного спиритуалистского или религиозного уклона. Мы испытывали надежду на возможность адекватной материалистической теории сознания, но под давлением фактов и фундаментальных философских соображений вынуждены были отказаться от нее. В конечном счете нам представляется очевидным, что всякий исследователь, принимающий проблему сознания всерьез, неизбежно придет к похожим выводам.

Возможно, негативная и критическая часть работы с сознанием привлечет наибольшее внимание исследователей и тех, кто интересуется данной проблемой, но настоящие цели должны быть позитивны и конструктивны: мы хотим видеть теорию сознания, которая бы работала. Впервые обратившись к данной проблеме, мы были удивлены, обнаружив, что большинство дискуссий о сознании фокусируются вокруг того, является ли оно проблемой, или нет, физично оно, или нет; а задача построения теории, казалось, была оставлена в стороне. Некоторые немногочисленные попытки систематизирования и теоретизирования предприни-

мались, на наш взгляд, только теми авторами, которые относились к сознанию не слишком серьезно.

Важной методологической предпосылкой адекватного подхода к сознанию, на наш взгляд, является избегание применения к нему философского понятия тождества, или идентичности (скажем, между ментальными и физическими состояниями), вместо которого необходимо употреблять понятие *сверхдетерминации*, введенное в сферу гуманитарных исследований еще Фрейдом [6] Мы находим, что дискуссии, ограниченные рамками терминов идентичности, в целом ведут к большей путанице, чем к прояснению ключевых вопросов, и часто позволяют избегать главных трудностей. Наоборот, сверхдетерминация предоставляет идеально подходящий срез проблемы, внутри которого все ключевые вопросы могут быть приняты во внимание. Это понятие ни в коей мере не противоречит такой характеристике сознания, как невычислимости, ибо «между детерминизмом и вычислимостью существует вполне определенная разница» [3, с.65]

Однако, избежание отклонения от философии, необходимо сконцентрироваться на жесткости сверхдетерминированных связей: предписывается ли она нам логической необходимостью, естественной необходимостью, или чем-либо еще? Широко распространено мнение, что сознание сверхдетерминировано физическим, в некотором смысле; настоящий вопрос заключается в том, насколько тесна эта связь. Дискуссии, игнорирующие вопросы о модальности этой связи, как правило, избегают самых трудных вопросов сознания.

Проблема сознания замечательна своей тесной связью как с философскими вопросами естествознания, так и с социогуманитарной сферой, она затрагивает глубинные проблемы во многих областях науки и философии – от кибернетики и квантовой физики до эстетики и философии права; масштаб и глубина проблемы заставляют считать ее фундаментальной проблемой философии, а само понятие сознания полагать одним из предельных ее предметов. Конечно же, мы отдаем себе отчет в том, что в проблеме сознания может быть гораздо больше вопросов и трудностей, чем мы в состоянии показать, но полагаем, что вполне реально показать возможность прогресса в понимании сознания без того, чтобы отрицать его существование или же сводить его к чему-то, что им не является.

символике и языке. – М.: Школа "Языки русской культуры", 1997. – 213с.

2. Кант И. Критика чистого разума. – Собр. соч. – Т.3. – М.: Мысль, 1964. – 799 с.

3. Пенроуз Р. Тени разума: в поисках науки о сознании. – М.-Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2005. – 688 с.

4. Мамардашвили М. Эстетика мышления / Философские чтения. – Спб.: Азбука-классика, 2002. – 832 с.

5. John R. Searle, *A Re-Discovery Of The Mind. – A Bradford Book, 1992 The MIT Press, Camb., Mass, London, England*

6. Психологические термины и понятия: Словарь / Под ред. Борнесса Э. Мура и Бернарда Д.

Фаина. – М.: Независимая фирма "Класс", 2000. – 304 с.

Бұл мақалада сана мәселесі заманауи философия мен жаратылыстану ғылымындағы күрделі және тартымды тақырып ретінде ашып қарастырылған. Сондай-ақ онда болашақтағы жүйелі зерттеуге қажетті методологиялық аспектілер көрсетілген.

This article puts forward the problem of consciousness as one of the most fascinating and complicated issues of both contemporary science and philosophy. It considers some methodological respects, necessary for the further study of consciousness.

М.А. Сагидолдина

ЭРИХ ФРОММНЫҢ ӘЛЕУМЕТТІК ЖОБАСЫ: САУ ҚОҒАМ ҚҰРУ ЖӘНЕ ЖАҢА АДАМНЫҢ ҚАЛЫПТАСУЫ

Қоғамдық жүйенің эволюциясын, адам табиғатының ерекшелігі жағынан қарастырған Эрих Фромм, индустриалды дәуірдің басында адамдардың көпшілігі табиғат алдындағы үстемдігінің артуы, материалды молшылықтың, көпшілік адамдардың бақытты болуының артуын және жеке тұлғаның шексіз еркіндікке артуын түсіне бастады. Ғылым адамдардың бәрін білетіндей жасаған секілді. Ал жануар мен адамның энергиясын механикалық энергияға, одан ядролық энергияға алмастырған түрлі және нәтижелі машинаға айналған техника басшылыққа шығады. Ал адамның ақыл ойын электронды машинаның операциясында адамды үстемдікке шығарды. Құдай және адамзаттың даму процесі кезінде пайда болған түрлі байлық пен жайлылық барлықтарға тек шексіз бақыт әкеледі деп болжамдалған. Бірақ уақыт өте келе бұл үлкен үміттердің күйреуі айқын көріне бастайды. Барлық тілектердің шексіз қанағаттандырылуының талпынысы, бақытты болуға жол бермейтіні түсінікті болды. Бюрократиялық машинаның винтиктеріне айналғанын сезінген адамдар өздерінің жеке өмірлерінде ешкімге тәуелсіз болу армандарының соңы екенін сол кезе түсінді. Ал олардың ойларымен, сезімдерімен, талғамдарымен өкімет, ірі өндіріс және есеп корпорацияларының және солардың қарамағына қарайтын бұқаралық ақпарат құралдары үлкен ықпал жасайды. Үлкен үміттердің қоғамы орнына бақытсыз адамдардың қоғамы: «... жалғыздық, үрей мен қорқынышта өмір сүретін, тек жоюға және үнемі тәуелді болуға қалыптасқан адамдардың қоғамы келеді». Осы қоғамда «экономикалық мінез-

құлық этика мен адамның құндылықтарынан айырылды». Адамдардың арасындағы қатынастарда «өзімшілдік және өз-өзін сүю» қасиеттері алдыңғы орынға шықты [7, 214-216]. Осының бәрі, қоғамда осындай әлеуметтік-экономикалық жүйенің және осындай адамдардың өмір сүру қалпының қалыптасуы, соңында «ауру» тұлғаның және «ауру қоғамның» қалыптасуына әкеліп соғады [7, 217].

Фромм қазіргі заманғы кең таралған «ауру» қоғамның пайда болуын «идолға табынушылықта» көреді. Ол идолға табынушылықты адамның өзінің энергиясын, өндірушілік, шығармашылық және тағы басқа қабілеттерін идолды жасауға жұмсайды. Одан кейін сол идолға табынады, алайда сол идол өзінің іс-әрекетінің жемісі болып табылады. Адамның өмірлік күштері өзінің қолынан жасаған затында іске асады. Бірақ ол зат идолға айналған кезде өзінің әрекетінің қорытындысы ретінде емес, өзінен бөлек бір зат ретінде қабылданады. Ол зат өзінің үстінен үстемдікке айналып сол затқа табынушылықтың үстемдігі артады. Фроммның айтуынша, индустриалды қоғамда өмір сүретін қазіргі заманғы адамның идолға табыну деңгейі мен формасы өзгерді. Ол оның өмірімен басшылық ететін экономикалық күштердің объектісіне айналды. Ол өзінің қолының ісіне табынады және өзін затқа айналдырады. Осындай драмалық, кейде трагедиялық әлеуметтік және этикалық-психологиялық жағдайды «машинизация», «роботизация», «компьютеризация» ықпалымен түсіндіреді. Осындай жағдайда адамның өзінің еңбек өнімінен жат болуымен қатар басқа адамдардан, кейде өз-